

ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ГОСУДАРСТВ И ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК

PRINCIPLE OF THE INADMISSIBILITY OF INTERVENTION IN THE DOMESTIC AFFAIRS OF STATES AND THE PUBLIC ORDER

E. Emelyanov

Summary. The author addresses the relationship between the principle of the inadmissibility of intervention in the domestic affairs of states as one of the principles of international law and the category of public order based on the analysis of a number of Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation issued regarding the enforcement of the European Court of Human Rights' judgements in Russia. As a result of the analysis, the author concludes that the principle of the inadmissibility of intervention in the domestic affairs of states is closely connected to the public order via the category of peremptory norms of international law (*jus cogens* norms). This conclusion, which follows from the considered Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation, is confirmed in the doctrine and publications of the UN International Law Commission.

Keywords: principle of the inadmissibility of intervention in the domestic affairs of states, international public order, national public order, *jus cogens* norms.

Емельянов Егор Олегович

*Сотрудник, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева
e.o.emelyanov@mail.ru*

Аннотация. Автор рассматривает соотношение принципа невмешательства во внутренние дела государств как одного из принципов международного права и категории публичного порядка на основе анализа ряда Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых по вопросу обязательности исполнения решений Европейского суда по правам человека на территории России. По итогу анализа автор приходит к выводу, что принцип невмешательства во внутренние дела государств тесно связан с публичным порядком через категорию императивных норм международного права (норм *jus cogens*). Такой вывод, проистекающий из рассмотренных Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, находит свое подтверждение в доктрине и публикациях Комиссии по международному праву ООН.

Ключевые слова: принцип невмешательства во внутренние дела государств, международный публичный порядок, национальный публичный порядок, нормы *jus cogens*.

Принцип невмешательства во внутренние дела государств является одним из основополагающих принципов международного права, которые, в свою очередь, являются источниками этой отрасли (п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН [1]). Данный принцип нашел свое закрепление в ряде международно-правовых документов. В первую очередь следует отметить п. 7 ст. 2 Устава ООН [2], которая ограничивает право ООН на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства — ограничение, впрочем, не затрагивает применение принудительных мер на основании Главы VII Устава. ООН, таким образом, должен определить, является ли вмешательство оправданным постольку, поскольку такое оно будет признано выполнением обязанности по обеспечению международного мира и безопасности.

По принципу невмешательства ООН также был принят специальный документ — Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (резолюция 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря

1965 г.) [3]. В ней отмечается, что как прямое, так и косвенное вмешательство является нарушением Устава ООН, и раскрываются особенности понятия «вмешательство». В частности, ООН осуждает:

- вооруженное вмешательство;
- все другие формы вмешательства и угрозы против правосубъектности государства или его политических, экономических и культурных элементов;
- экономические, политические и иные меры «для принуждения другого государства подчинить осуществление его суверенных прав или для получения от него каких бы то ни было преимуществ»;
- способствование вооруженной, подрывной и террористической деятельности по изменению строя другого государства путем насилия;
- вмешательство во внутреннюю борьбу в другом государстве;
- применение силы для лишения народов формы их национального существования [3].

Одновременно, как и в Уставе ООН, в Декларации содержится оговорка о том, что ничто в ней не затрагивает

положения Устава ООН в отношении международного мира и безопасности.

Также, принцип невмешательства сформулирован в Декларации принципов Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. Формулировки в ней похожи на те, которые содержатся в Декларации ООН выше, и касаются запрета как прямого, так и косвенного вмешательства во внутреннюю компетенцию другого государства [4].

Публичный порядок, в свою очередь, представляет собой «фундаментальные юридические основы, на которых базируется экономический и моральный порядок в обществе», самые важные для мира и благосостояния общества правила для защиты интересов [5]. Публичный порядок может быть национальным — в таком случае речь идет о мерах, предпринимаемых конкретным государством для защиты собственного суверенитета. Национальный публичный порядок при этом считается элементом международно-правовой системы защиты прав человека, гарантом ее действия на уровне конкретного государства [6].

Публичный порядок также может быть международным. В его состав обычно включается как часть национального регулирования государства в отношениях, в которых присутствует иностранный элемент, так и его обязанность по соблюдению международно-правовых обязательств и вопрос международного иммунитета. Ряд ученых также полагает, что международный публичный порядок содержит нормы *jus cogens*, то есть императивные нормы международного права, от которых невозможно отступить и нарушение которых «порождает особую ответственность» [7, 8].

Автору представляется важным рассмотреть соотношение принципа невмешательства во внутренние дела государств и публичного порядка на примере анализа некоторых Постановлений Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ), которые были приняты по вопросу обязательности исполнения решений Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) на территории России.

Прежде всего стоит отметить некую эволюцию подхода КС РФ к вопросу о конфликте правовых позиций КС РФ и ЕСПЧ о конституционности какой-либо нормы российского законодательства.

Так, в 2013 году, рассматривая дело в связи с жалобой гражданина К.А. Маркина об отказе российских властей предоставить ему в период прохождения военной службы по контракту отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, КС РФ пришел к выводу, что при наличии конфликта позиций ЕСПЧ и КС

РФ относительно положений закона, которые надлежит применить, необходимо ставить вопрос о конституционности таких положений. При этом, если все-таки КС РФ посчитает оспариваемые нормы соответствующими Конституции РФ, то он должен в рамках своей компетенции определить «возможные конституционные способы реализации постановления [ЕСПЧ]» [9].

Более жесткая позиция была занята КС РФ в 2015 году. Суд рассмотрел запрос группы депутатов Государственной Думы РФ в связи с неопределенностью в правовом регулировании, которое, предположительно, обязывает суды и иные государственные органы исполнять решения ЕСПЧ даже вопреки Конституции РФ (Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П, [10]). В указанном Постановлении КС РФ однозначно указал на приоритет Конституции РФ по сравнению с любым постановлением ЕСПЧ (в том числе сославшись на практику европейских государств-участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция)). КС РФ отметил, что постановление ЕСПЧ не может считаться обязательным к исполнению при противоречии толкования Конвенции, данного в нем, императивным нормам международного права (*jus cogens*), к которым относится принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Наконец, 19 января 2017 г. было вынесено Постановление КС РФ по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» [11]. В указанном постановлении ЕСПЧ обязал Россию как нарушившую положения Конвенции о защите собственности выплатить акционерам компании-заявительницы в возмещение материального ущерба, включая компенсацию понесенных ею инфляционных потерь, почти 2 млрд. евро.

КС РФ постановил, что постановление ЕСПЧ исполнить невозможно, поскольку материальные потери компании явились следствием ее же незаконных действий в виде злостного уклонения от уплаты налогов, и выплата столь значительной суммы, присужденной ЕСПЧ, из того же бюджета, который недополучал от компании огромные суммы налоговых платежей, противоречит «конституционным принципам равенства и справедливости в налоговых правоотношениях». КС РФ также отметил, что выстроенные ЮКОС незаконные схемы уклонения от уплаты налогов препятствовали в том числе стабилизации публичного правопорядка, а толкование Конвенции со стороны ЕСПЧ «противоречит общеобязательным нормам, относящимися к международному публичному порядку (*jus cogens*), в число которых, безусловно, входят принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств». По мнению Суда, в данном деле толкование ЕСПЧ Кон-

венции противоречит Конституции РФ, положения которой — прежде всего касающиеся прав и свобод человека и гражданина и основ конституционного строя России — формируют национальный публичный порядок и «имеют основания» в международном публичном порядке.

Таким образом, из позиций КС РФ следует, что нормы *jus cogens* относятся к международному публичному порядку (на основании которого строится и национальный публичный порядок) и включают принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Стоит указать, что не все исследователи согласны с трактовкой КС РФ норм *jus cogens*, которой он придерживается в указанных Постановлениях. Например, по мнению А.С. Исполинова, КС РФ «имплицитно» демонстрирует собственную готовность определять перечень норм *jus cogens*, относя к ним принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств [12]. С.В. Черниченко также указал на «слишком вольное» обращение членов КС РФ с термином *jus cogens*, четко определенным в Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. [13].

Однако для целей настоящей статьи важно сосредоточить внимание на двух вопросах: 1) составляют ли нормы *jus cogens* международный публичный порядок? и 2) включен ли принцип невмешательства во внутренние дела государств в перечень норм *jus cogens*?

В доктрине по вопросу соотношения международного публичного порядка и норм *jus cogens* сложились противоположные точки зрения. Так, Г.И. Тункин указывал на высшую степень дискуссионности понятия международного публичного порядка и в большей степени его теоретический характер для целей анализа вопроса императивных норм [14]. Ш. Руссо также отмечал, что принципа публичного порядка в международном праве

«почти не существует» [15]. С другой стороны, как было отмечено выше, И.И. Лукашук констатирует наличие международного публичного порядка с нормами *jus cogens* в праве Устава ООН [7], а Х. Лаутерпахт полагает, что «главные» принципы международного права могут рассматриваться как составные части международного публичного порядка [16].

Автор, в свою очередь, склонен согласиться с исследователями, включающими нормы *jus cogens* в международный публичный порядок, в том числе с опорой на публикации Комиссии по международному праву ООН (далее — Комиссия). Комиссия отказалась давать исчерпывающий перечень норм *jus cogens*, определив только признаки таких норм — и одним из признаков является то, что нормы *jus cogens* призваны защищать международный публичный порядок (*ordre public*) [17].

Отвечая на второй вопрос, стоит указать, что Комиссия, определив в 2022 году примерный (неисчерпывающий) перечень норм *jus cogens*, не включила в него принцип невмешательства во внутренние дела государств [18]. Однако, как указано выше, Комиссия и не претендовала на предоставление закрытого и исчерпывающего перечня норм. Ученые же в целом склонны включать в состав норм *jus cogens* принцип невмешательства во внутренние дела государств (в том числе с указанием на то, что этот принцип прямо закреплен в Уставе ООН). Так, на это указывает Г.М. Вельяминов [19], И.И. Синякин и А.Ю. Скуратова [20], И.В. Воронцова [21].

Таким образом, из изложенного следует, что принцип невмешательства во внутренние дела государств тесно связан с категорией публичного порядка через категорию императивных норм международного права. Эта связь прослеживается из сопоставления понятий принципов международного права, норм *jus cogens* и публичного порядка, и нашла свое отражение в правовых позициях КС РФ по приведенным делам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статут Международного суда ООН // URL: <https://www.icj-cij.org/files/statute-of-the-court/statute-of-the-court-ru.pdf> (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
2. Устав ООН (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Действующее международное право. Т. 1. — М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7–33.
3. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (резолюция 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
4. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. // URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
5. Богатина Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. М.: Статут, 2010. 408 с. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
6. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017. 288 с. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
7. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. М.: Волтерс Клувер, 2006. Т. 2: Действие международных договоров. 496 с. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»

8. Quadri R. Cours général de droit international public // RdC. Vol. 113 (1964). P. 335.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 2014
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 6, 2015
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 2017
12. Исполинов А.С. Несколько жизней доктрины императивных норм (jus cogens) в международном праве // Международное правосудие. 2025. № 1. С. 70–97. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
13. Черниченко С.В. Европейский суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений // Московский журнал международного права. 2018. № 3. С. 6–17, 12 (цит. по Исполинов А.С. Несколько жизней доктрины императивных норм (jus cogens) в международном праве // Международное правосудие. 2025. № 1. С. 70–97. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»)
14. Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. I. P. 38 // URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1966_v1_p1.pdf (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
15. Rousseau Ch. Principes généraux du droit international public. Vol. I. P. 340–341 (цит. по Тункин Г.И. Теория международного права / Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2014, С. 135)
16. Rousseau Ch. Principes généraux du droit international public. Vol. I. P. 340–341 (цит. по Тункин Г.И. Теория международного права / Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2014, С. 135)
17. Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят восьмой сессии. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/chp9.pdf> (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
18. Report of the International Law Commission. Seventy-third session (18 April–3 June and 4 July–5 August 2022). United Nations, New York, 2022. P. 16 URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2022/english/a_77_10_advance.pdf (дата обращения: 17 июля 2025 г.)
19. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. 1006 с. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
20. Синякин И.И., Скуратова А.Ю. Нормы jus cogens: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 3. С. 526–545. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»
21. Воронцова И.В. Принцип обеспечения судебной защиты нарушенных прав и законных интересов как межотраслевой общепризнанный принцип // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 109–128. // Предоставлено СПС «КонсультантПлюс»